

О ПРИМАРНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ НЕКОТОРЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ: ОПЫТ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е.В. Петухова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Доцент кафедры английской филологии
e-mail: lena.petukhova@gmail.com*

Курский государственный университет

В статье рассматривается необходимость применения метода фоносемантического анализа с целью выявления звукоизобразительной природы этимона на примерах слов-обозначений животных cow, bull, ox, бык, корова.

Ключевые слова: фоносемантика, звукоизобразительная система языка, звукоподражание, звукоимитация, денатурализация языкового знака, синхрония, диахрония, этимология.

В настоящее время фоносемантика, предметом которой является звукоизобразительная система языка в пантопохронии, выделена как самостоятельная дисциплина, опирающаяся на солидный теоретический фундамент и имеющая определенные цели, задачи, проблематику, перспективы, а также свой методологический аппарат. Одним из базовых методов фоносемантики является метод фоносемантического анализа (МФСА), детально описанный С.В. Ворониным [Воронин 1997: 130-147].

МФСА зародился в недрах англистики (и, шире, германистики), с непременным привлечением данных лингвистической типологии, а также с учетом необходимости системного подхода. Данный метод является системой, состоящую из ряда операций, благодаря которым становится возможным установить наличие (либо отсутствие) в слове звукоизобразительности (примарной мотивированности) и определить ее характер [там же 1997:142].

Одним из этапов МФСА является установление наличия либо отсутствия «звукового» значения у слова (т. е. установление того, обозначает ли слово какое-то внеязыковое звучание либо источник звучания). Наличие хотя бы одного «звукового» значения свидетельствует, как правило, о том, что мы имеем дело со звукоизобразительной, чаще всего звукоподражательной лексикой. Например, английский глагол *pipe* с наиболее частотным значением «to play on a pipe» не воспринимается в современной синхронии как звукоизобразительный. Однако, одним из его значений также является «to speak in a high-pitched or piercing tone; to make or utter a shrill sound like that of a pipe».

Говоря о методе фоносемантического анализа, следует упомянуть один из важнейших его этапов – этимологизацию слова, которая проводится на максимально возможную глубину, с учетом фонетико-семантических коррелятов в родственных языках. Причина приоритета данного этапа заключается в явлении денатурализации языкового знака, т.е. ослабление (исчезновение) изначальной примарной мотивированности [Петухова 2004].

Следует подчеркнуть, что речь здесь идет не о «смешении синхронии и диахронии», что подчас ставится в упрек исследователям, применяющим метод фоносемантического анализа, а о «гармоническом сочетании» этимологического и

диахронического аспектов с синхронией [Воронин 1997:147], иными словами речь идет о рассмотрении лексического материала в пантопохронии. Если далее подвергнуть единицу *pipe* простейшему этимологическому анализу, то можно выявить, что она восходит к латинскому *pīpāre* со значением «чирикать, пищать» и имеет историко-этимологические соответствия в голландском (*pijp*), нижненемецком (*pipe / Pfeife*), литовском (*piēpti*), санскрите (*piṣṣāka-*) [Vaan de 2008: 467]. Таким образом, есть все основания говорить об имитативном характере английского *pipe* в генезисе и диахронии и о ослаблении примарной фонетической мотивированности на современном этапе существования языковой системы.

Поскольку изучение звукоизобразительности должно проводиться с пантопических позиций, для установления произвольной связи между звуком и значением необходимо привлечение типологических данных. Данный этап МФСА основан на законе гомоморфности, согласно которому в изобразительных системах любых двух языков мира гомоморфические черты (т.е. черты сходства) доминируют над алломорфическими (т.е. чертами несходства). Суть операции заключается в выявлении в языках, обычно считающихся неродственными, слов, сходных по звуковой форме и семантике с рассматриваемым словом данного языка.

При условии определения слова как звукоизобразительного выявляется конкретный характер примарной мотивированности, определяется фоносемантическая таксономия данной лексемы. Иными словами, устанавливается принадлежность лексической единицы к определенному фоносемантическому типу, к той или иной структурной модели, выявляются звукоизобразительные функции фонотипов корня.

Опираясь на основные этапы МФСА в рамках данной статьи мы рассмотрим английские и русские слова-наименования животных – *cow/корова; bull, ox/бык* – с позиций фоносемантической этимологии.

Как отмечает О.Н. Трубачев, исследование наименований домашних животных (как, впрочем, и любое диахроническое исследование) неразрывно связано с экстралингвистическими реалиями. Так, известно, что у древних носителей индоевропейского языка был крупный рогатый скот, следовательно, «названия этих животных носят преимущественно общеиндоевропейский характер..... они оформились в эпоху наибольшей близости индоевропейских диалектов» [Трубачев 2004: 291].

Прежде всего, необходимо обратить внимание на тот факт, что в современной синхронии все эти лексемы воспринимаются как произвольно мотивированные, не имеющие связи между звуковой формой и семантическим наполнением. Но являлись ли они такими в течение всего времени своего существования?

На современной этапе у слов *cow/корова; bull, ox/бык* не зафиксировано ни одного «звукового» значения.

Тем не менее, если говорить об английском слове *cow* «the mature female animal, especially of the genus *Bos*», то простой этимологический анализ показывает, что она явилась результатом преобразования древнеанглийской формы *cū*, которая восходит к общему индоевропейскому корню **gwous* (**gu*) с фонетически мотивированным значением «to bellow». Параллели в других, родственных и неродственных языках могут служить подтверждением звукоизобразительного характера английской лексической единицы, например, гаэльск. *bó*, шведск. *Ko*, санскр. *gaus*, греч. *bous*, лат. *bov-*, также шумерск. *gu*, кит. *ngu, ngo*. Этимологические и типологические данные свидетельствуют об отприродной связи «звук-значение». По психоакустическим характеристикам эта лексема является оноματοпом и может быть отнесена к типу тоновых континуантов, обозначающих «тон в его наиболее чистом виде» и имеющих каноническую модель

[CONS(+SON LAT/LAB)+] VÖC L/H, S/W(+PLOS),

где CONS – согласный, SON (LAT/LAB) – латеральный или лабиальный сонорный, VÖC (L/H, S/W) – долгий гласный (низкий/высокий, интенсивный/неинтенсивный), например, *hoot* «кричать, ухать (о сове); гудеть (о рожке)», *beer* «короткий высокий звук (например, издаваемый электрическим устройством)», *bleat* «крик овцы, козы или теленка», венг. *búgás*, эвенк. у-у-у, зулу *huu*, *wuu*, селькуп. *lūt* – обозначения гудения, воя.. Звукоизобразительно валентным элементом структуры подобных имитативов является долгий гласный, базовый на стадии отражения первичного отражения (ср. индоевропейский звукоподражательный корень **ū* - обозначение воя) [Воронин 2004: 58-59].

К этому же акустическому типу можно отнести и английскую лексему *bull* «the male of a bovine animal, especially of the genus *Bos*, with sexual organs intact and capable of reproduction», в основе мотивации этимона которой лежит подражание звуку (нулевая ступень общегерманского **bellan* «to roar»).

Звукоизобразительная природа русского слова *бык* также становится очевидна при рассмотрении его с диахронических позиций. Прежде всего само слово восходит к индоевропейскому корню **beu*/**bheu*/**bū*. Связанные с ним древнерусские формы *бучати* «реветь» и *бъчела* «пчела» являются фонетически мотивированными [Черных 1999: 128]. Из славянских соответствий можно отметить укр. *бик*, польск. *byk*, н.-луж., в.-луж. *byk*, чеш. *Byk*, словен. *bik*, сербохорв. *бик*, болг. *бик*. По мнению О.Н. Трубачева, именно звукоподражательным происхождением слова объясняется неустойчивость вокализма (*u/y*) [Трубачев 322-323]. Из неродственных параллелей со сходными акустическими характеристиками можно выделить литовский глагол *būkauti* «реветь, мычать», древнеиндийский глагол *bukkati* «лает», латинское существительное *būbō* «филин, сова», персидское *бум* «сова». То есть, русское слово *бык* в своей этимологии передает звук рева быка и по структуре фонотипа может быть отнесено к тому же типу ономатопов, что и английское *bull*.

Существительное *ox* «the adult castrated male of the genus *Bos*, used chiefly as a draft animal; any member of the bovine family» восходит к протоиндоевропейскому корню **uks-en-* «самец животного» и далее – к основе **uks-* со значением «sprinkle/брызгать». В отличие от случаев, описанных выше, подражание звуку животного не является здесь мотивом номинации, однако, интересно отметить, что и английское *sprinkle*, и русское *брызгать* являются доказанными звукоизображениями, в основе которых лежит неакустический денотат (так, С.В. Воронин относит их к довольно обширной группе звукосимволической лексики, которую определяет как «обозначения напряжения») [Воронин 2006: 103].

Следует отметить, что именно звукоизобразительный корень **gwous* дал обозначение коровы в индоевропейских языках, в том числе и в старославянском (*говядо* «бык», «рогатый скот» > *говядина* «мясо быка или коровы, употребляемое в пищу»). То есть, первоначально не существовало родовой дифференциации в наименованиях крупного рогатого скота. О.Н. Трубачев связывает это с гипотезой поступательного развития животноводства, на ранних этапах развития которого индоевропейцы, разводя коров, не употребляли в пищу молоко. Современная же лексема *корова*, по мнению О.Н. Трубачева, является более поздней лексической инновацией и восходит, скорее, к индоевропейскому обозначению рога **ker-* [Трубачев 322].

Итак, микрофрагмент фоносемантического анализа показал, что лишь русское слово *корова* не является звукоизобразительным. В основе единицы *ox* лежит

звукосимволическая незвуковая связь, имитация напряжения. Лексемы же *cow*, *bull*, *бык*, а также архаизм *говядо* восходят к индоевропейскому корню, передающему звук (в этом случае мы наблюдаем довольно частую схему семантического перехода *имитация звуков, издаваемых животными > наименования животных*). Во всех примерах описанных здесь звукоизобразительных этимонов имеет смысл говорить о денатурализации (и даже демотивации) отприродно мотивированного языкового знака в силу эволюционных семантических и фонетических процессов.

Библиографический список

Воронин С.В. Фоносемантика и этимология // Дiachроническая германистика. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1997. 190 с. – С. 131-177.

Воронин С.В. Английские ономотопы: Фоносемантическая классификация / под ред. проф. О.И. Бродович; СПб.: Геликон Плюс, 2004. – 190 с.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – М.: Изд. ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.

Петухова Е.В. Некоторые аспекты этимологии английских лексем с сочетанием /kr/ в анлауте // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-09.pdf> (дата обращения 15.11.2013).

Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 798 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е издание, стереотипное. Т. II. – М.: Изд. «Русский язык», 1999. – 560 с.

Oxford Concise Dictionary of English Etymology. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 552 с.

Skeat W. The Concise Dictionary of English Etymology. – Wordsworth Edition Limited 2007. – 643 с.

Vaan de Michiel. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden. Boston. 2008. – 799 с.